

18+

Сергей Пилипенко

Погружение

Сергей Пилипенко

Погружение

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Пилипенко С. В.

Погружение / С. В. Пилипенко — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Книга является продолжением общего цикла произведений, в целом поясняющих суть возникновения в среде явления апокалипсиса. Затронутые вопросы экологического и строго социального характера напрямую связаны между собой и образуют некую величину под общим наименованием - коэффициент напряженности среды. Что готовит нам природа в ближайшее время, чего от нее ожидать и как подготовиться заранее - об этом и говорится в этом произведении, очень нужного для изменения нашего современного мировоззрения.

Содержание

Введение	5
Глава 1. Происхождение	13
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Введение

Ни я, ни кто-то другой из многочисленного числа таких же, где-либо на Земле проживающих, уже не может изменить того, что близится к нам с самой невероятной на сегодня скоростью.

Процесс растормаживания Земли, можно сказать, начался. Виной, естественно, всему стоят люди и, прежде всего, та самая их часть, что именуется ученой.

Как далеко и в какие дебри завела нас всех современная наука и что ожидать уже сейчас от действий ее самой?

Ожидать, само собой, ничего существенного не приходится, ибо наука нашего дня так же блуждает в потемках, как и мы сами, в общем своем числе.

Время поделило нас с вами на людей, предумышленно разубежденных в чем-то, и на умышленно, не осознанно шагающих вперед вслед за широкой поступью, так называемой, уже практически образованной человеческой цивилизации.

Что подразумевается под этим?

Предумышленно разубежденные – это те люди или та часть нашего сообщества, которая не возжелала идти следом за тем искусственно добытым познанием-умом, что скатился сам по себе в век двадцать первый, а осталась стоять на своих строго земных или корневых позициях, рожденных, по сути, от самой природы Земли, которые и определяют уже современные взгляды на жизнь с точки зрения ее бытовой или иной стоимости. То есть, это та часть людей, что наименее поддавалась прогрессу и осталась верна своему истинно природному смыслу существования.

Вместе с тем указанна категория не совсем удаляется из поля зрения его самого и стоит, как говорят, на грани разумного и всего благоразумного.

Все остальные попадают во вторую категорию, естественно, представляя собой большинство, которое волей-неволей, но движется в общей своей массе, совершая, можно сказать, некое паломничество в свое собственно идущее и своеобразно декоративное будущее.

То есть, та часть населения, что движима настоящим продуктом рекламы дня сегодняшнего и стоит горой в самом факте своего пребывания за все нынешние обоснования самой жизни.

Что ж, так или иначе, но наши мнения разделились и составили уже природно именно составляющие самой среды величины, то бишь ее атмосферы. Или по факту – дробную величину силы, так называемого, коэффициента заряженности среды.

Сиим я заключаю, что на сегодняшний день в сфере нашей общей выживаемости определилось две силы, или две равно противостоящие величины.

Своеобразно – это сила ума поступательного наполнения и сила истинно образующегося природного ума сотворения.

Какая величина победит – то достояние мы и получим в самое ближайшее от нас уже сейчас время.

Вместе с тем само время, как говорится, не молчит и во всю располагает позициями, которые именуются наступательными.

Фактически, природа ополчилась на нас самих и время от времени выражает свою, пока не покорную для нас силу нам же, так сказать, в назидание и в понимание истинного значения ума.

Сама же природа творит многообразуемо и состоит из разных частей.

Нашу терпимость можно понять только нам самим. Но то не доступно для самой природы, ибо ей нет нужды разбирать разную склочность дня и усматривать там нечто хорошее уже для себя.

Целиком и полностью природа подчинена космосу, а он – своим, давно выработанным законам и канонам мирового движения.

То, что мы находимся в окружении иных, подобных Земле, миров, думаю, не должно вызывать уже никаких сомнений. По крайней мере, для той части населения, которая стоит за предусмотренные нами несколько ранее вековые традиции и все святости земные.

Богу порой приписывают многое, и оно же, по сути, является настоящей правдой, понимаемой пока, к сожалению, только со стороны его самого, ибо мы воспринимать некоторое просто еще не можем в силу отсталости умственной и не восприятия даже подобного рода истолкования.

Сейчас я выражу указанную мысль его словами, дабы не вызывать разногласий среди общего числа слов подобного толка.

– Что бы вы не усмотрели для самих себя, – говорит уже он сам, – с толком рассмотреть того не можете. Только и дело, что спорите, да оскорбляете всяким друг друга, отчего мысль разная совсем оскудевает, а в голову червь зависти и злобы проползает, что мозг точит, во времени потом практически и вовсе тот ум уничтожая.

Говорю так не от безделья всеобильного или не от незанятости какой, да ради словца красного, а со знанием дела того мозгового, что мне самому давно ведомо, да которым как раз занимаюсь и буду делать то впредь до улучшения качества его в вас самих.

Не в век настоящий стоимость того ума вашего состоялась. Не подходите вы для него пока, а оттого беды все ползут чередой и на край гибели общей во многом создаются. В спех немного сейчас говорю, ибо дело то ваше земное уже на другом уровне обсуждается и самому во многом некогда такими вот речами простыми располагать.

Потому, думать по всему за вас самих приходится, пока вы в целом края те общей земли вашей делите и все сулите богатства те последние из нее достать.

Не вами они заложены и не настоящему поколению ими воспользоваться будет возможно. То дело ума уже другого, и в целом, только на созидание труда какого направленного, а не на осквернение трудом добытого в памяти предков ваших возложенного.

Смысл слов всех своих истинно не утаиваю никогда, и только вы сами во многом числе своем изменяете их, тем самым создавая нелепость всякую и отражая общую глупоту. Выражаю и сейчас то же самое, да вот только боюсь, что опять не понятным что станет, и власть ума от того больше не пребудет.

А так хотелось бы все то видеть и лица те счастливые наблюдать, а не жизнью помеченные, как какой-то дикой сутолочью ночной.

На сиим прощаюсь пока, но слово не закрываю, ибо будет час другой и более подвластен для беседы какой совместной. Аминь.

Что ж, наспех сейчас высказавшись, Бог занялся, очевидно, своим, предоставляя нам время и право теми делами нашими общими заниматься, достоверно изучая все, как оно есть на самом деле.

А как оно есть, наверное, кроме нас самих больше никому и не ведомо, ибо каждый из тех самых больших, кто как раз ответственен за это, по большей части занят самим собой и время ему дано именно для того, чтобы тем самым и заниматься.

Так как же до сей поры не могут того понять все те простые, что по складу своего ума к тому же разряду относятся?

Нет дела до остальных или прочих или так тому и быть?

Такова позиция?

Отвечу на то просто. Не бывать тому вовек, и тем более, во век всходящий, то есть наш двадцать первый.

Этому не сулит природа, и она, как ни странно это звучит, понимает все то по-своему и уже рисует свою карту передела всего земного, что уже на настоящий момент присутствует.

Пострадают ли от того те самые большие или уже маленькие, коими и есть мы все в общем своем большинстве – думайте сами. На то вам голова дана, а вместе с нею и то, что телом уже называется, дабы им действовать при необходимости и в случае чего.

Только вот чего?

Скажу и это. Это многое из того, что уже было мною неоднократно сказано и еще то, что жизнью гораздо упрощенной называется. Проникнитесь этой мыслью и соблаговолите хоть раз выслушать себя сами в своем слабом почине к труду ума большего, нежели просто он по самой жизни ведется.

Это просто так кажется кому-то, что работа та повседневная и есть труд основательно тяжелый и по-своему умственно труднодоступный для многих.

Есть действительно кое-какие дела такие, но их все же меньшинство или та мизерная часть, от которой мало что по сути самой жизни ведется, да больше только к науке какой прилагается, да к тому, что просто людьми выдумано, как очередная головоломка дня.

Этим самым я хочу еще раз сказать о том, что многие, как экономические и другие премудрости, так обозначенных, наук жизни просто напросто выдуманы кем-то, уничтожая тем самым настоящий ум и отбирая у людей само время на их оздоровление и на своеобразное выживание.

Это лженауки, которых нет по существу, и никогда не было. И делом тем промышляют люди, которым, как говорится, во многом «по барабану», что с ними самими будет или с кем-то еще, лишь бы им сейчас жилось хорошо и припеваючи на том поприще, что ими и возделано.

Подумайте над этим все и согласитесь, что это так. Ибо, если этого не произойдет, то человечество и вовсе исчезнет с Земли нашей, ибо она сама не приемлет то, как саму науку какого-то возрождения. Это и есть основной смысл жизни, что никакими лженауками не подтверждается и не может, тем более, искусственно регулироваться, как хотят нас всех во многом убедить.

Тем самым не призываю забросить все беспредельно, а всего лишь отказаться от никому не нужной чепухи, тем самым вызволяя ум людей из-под гнета указанного выше и прививая им же настоящие качества ума, которые сами по себе природно возлагаются в голову каждому.

Это есть природное дарование каждого и по нему надо жить, а не подчиняться уму чьему-то другому, во многом избалованному и презирающему саму жизнь, как основу всяческого человеческого смысла истолкования.

Для многих сие понятие неведомо или недоступно, как порой та связь, что исчезает на время из поля зрения.

Так же и они, высвободившись на время из-под опеки ума природного и создав приоритет искусственно приобретенного дарования, становятся недоступными для понимания окружающего, в том числе и самой природы, как основной матери нашего творения. Им все думается, что все вокруг искусственно осеменяется, жизнь сама по себе возлагается, а дела творятся от того, как они сами ними повелевают.

Только отчасти так бывает, да и то потому, что часть иных, то есть все мы в общем своем большинстве просто не противоречим тому, отдавая дань превосходства ложно добытому уму и всей его пакости в ярко выраженной современности.

Поймет ли кто это сейчас – не знаю. Но знаю достоверно точно другое.

Назавтра придет другой день, и он выступит со своими параметрами, которые уму тому, искусственно добытому, не подчинены и во многом превосходят всю его, так называемую, показную всесостоятельность.

– Будет земля гореть под ногами и теплом своим измывать до конца. Будет день сам стоймя стоять, как вода в том проеме. Будет живь земная противостоять тому, а некоторая поросль ее и вовсе исчезать, так на ходу и упадая.

Так сказал Бог по всему тому и, как говорится, совсем мало. Да, впрочем, и так ясно, что трудно будет и не к кому по сути своей жизненной за помощью какой обращаться.

Этим не пугаю никого и заведомо света конец, так во многом кем-то ранее высказанный, не предвещаю. Обращаю внимание лишь на то, что, так обозначенные мною, природные упользования от нормальности будут вскоре присутствовать по всей территории нашей, а вместе с ними все наши горести жизненные и придут.

Вот, о чем говорю и упреждаю во многом уже сейчас, так как время то очень скоро грядет или, как говорится, стоит оно не за горами, не за веками, столетиями или годами, а уже можно сказать днями, ибо их осталось совсем чуть-чуть.

Участь лично моя во всем том малая. Упредить заранее и создать основу для того нового вида всякого размышления, которое разумом зовется и еще умом прозывается просто по-людски.

Согласитесь, что нет того в жизни нашей и всякий разный человек в карусели той жизненной крутится, и она им повелевает, как хочет, или делает что, как ей самой заблагорассудится.

Так не должно быть. И о том говорю я давно, а также подтверждаю словами дополнительно, оперируя категориями наук разных, что вот так запросто ко мне идут, и коими я уже сам соблаговолу управлять.

Пытаюсь дело, как говорится, делать, ибо не вижу того прока от иных, все время чем-то подлежаще занятым и поочередно исковеркивающих всю суть нашего земного пребывания в самой среде общений.

Слишком многое упущено уже сейчас и время, данное по сути тем же Богом на облагораживание душ наших, попросту ушло или кануло в лету. Давно собирался то сказать, только вот времени всё не находилось.

Думаете, просто так все подобные этим словеса идут, и от нечего делать я сам всем тем занимаюсь. Все это программа, продуманная и состоящая из всего того, что было создано для упрочения душ наших или сохранения жизни многим во времени крайности.

Но, к сожалению большому ко всему, сообществом все то не воспринято однозначно и тем более, как-то целеустремленно. Нет единения мысли той здраворастущей во времени и нет дел повседневных, что могли бы к тому самому приблизить.

Потому, подготовились мы все к очередному периоду, так называемого, природного передела общего совсем слабо и едва-едва стоим на ногах, которые, кроме как куриными хилыми ножками и обозначить нельзя.

Вся эта доблестно подтянувшаяся за последние года гвардия в лице МЧС или чего прочего, включая в целом и какой-то подручный арсенал всего народа – есть ничто по отношению к тому, что уже должно было быть подготовлено и чем, по сути, должен был обзавестись весь русский народ.

Я намеренно сейчас не говорю об остальных, ибо дело собственного благополучия нам как-то всегда ближе. Всему тому, то есть несостоятельности в вопросе том были разные причины и в одном письме таком всего просто не высказать. Да и не нужно оно уже сейчас, ибо входим мы все во время то с уже готовым результатом, что, как говорится, замыкает за собой все года предыдущие.

На том и основываю настоящие высказывания, а не витаю, как думают многие, где-то в небесах под куполами каких-то незримых нирван.

Больше грежу реальностью, ибо вижу, как, что и где творится, и знаю, по сути, от чего так происходит. На то есть ум простой человеческий и время исполнения его в среде среди таких же.

Возможно, также во многом умных или таковыми себя считающих, да только делом все то никак не подтверждающих, а только занимающихся соисканием все новых вершин своего оплачиваемого временем труда и тому подобным.

Дело каждого, как говорится, так поступать и жить своим умом. Да только вот дело еще есть и общее, которое ко всему другому обязывает, и в первую очередь, саму жизнь сохранять, а иначе, зачем тогда все остальное.

От этого нужно исходить и часть уже своего каждому отдавать, дело души личной облагораживая и заставляя уже ее саму где-то там обитать на небесах в поисках дополнительно нужной капельки дорогостоящего человеческого ума.

Все это тонкости существа души нашей, о которой мы многого не знаем и по сути жизни своей мало вообще что хотим знать, ибо не нужна она сейчас в той самой среде, нами всеми образованной и доводящей каждого до уровня обледенения ее самой в день какого-либо сотворяющегося природного ужаса.

Этим самым не наводняю я все страхи на вас самих, а просто, как и всегда, объясняю, что и как творится природно вне всякого нашего ведома пока умственного, ибо ту самую категорию ума мы еще не приобрели и только косноязычием страдаем в среде нашей общеприобретенной.

Все дела наши праведно будут обстоять лишь тогда, когда мы все совместно до самой науки о душе той дойдем и согласимся с существом ее, как чего-то действительно необходимого в деле обустройства будь какой жизни.

Не привлекаю я пока к делу моему и подобному никого, да и не стараюсь чем-либо таким кого завлечь. Дело то сугубо личное и только сам человек должен прийти ко всему, испытав на себе что-то, которое только его уму и подвластно.

Понимать каждый по сути своей должен, зачем что делает и почему, а также отчего, как говорится, так, а не этак.

Только так можно добиться ума изыскания и только так в веру настоящую приходят, а не в какую-то церковно показную.

Вера в душе у каждого состоять должна или присутствовать живо, а не существовать камнем преткновения каким, чью-то злую волю преисполняющую.

Именно поэтому не ищу сейчас, да и никогда ранее, себе каких-то помощников или кого-то еще, во многом в самих себе еще не разобравшихся.

Вера каждого, прежде всего, должна внутри состояться и практически никак не отражаться затем наружно, за исключением дел каких, своей разумностью обладающих.

Вот, что такое в конечном итоге вера и для чего, собственно говоря, она дана человеку в дне том самом насущном.

Не буду приписывать того никому, но все же скажу конкретно. Нет на нашей или другой земле пока исполнения веры той всей чинно и с тем самым прилежием, что истинно необходимо.

Есть подобие того, но оно самой душой, страдающего от него, не чтимо. То есть попросту обязанность, водворенная в чреве, которая к уму не располагает, а только от него всяко отталкивает.

Как и говорил я ранее, святых на Земле не бывает. Они преисполняются на небесах в том виде, о котором я также говорил ранее или просто метафизическом.

Потому, не стоит громогласно или как заявлять об этом, тем самым приписывая какие-то не существующие дела и чудеса самые разные, которые во многом только в самой голове чьей-то и творятся, да еще выдворяются наружу кем-то, если в том возникает какая-то уже праведная или церковная необходимость.

Сохраняйте веру в себе же. Так говорю я, и так говорит сам Бог, хоть иногда, но все же донося свое слово, пусть даже через таких вот, как я.

Незримо он присутствует всегда с нами, и об том им самим было сказано не раз. Что и как работает по делу тому – об этом вы узнаете из очередного, подобного этому рассказа, а пока я возвращусь к теме первоначальной и несколько доскажу о вере той всей повсеместной.

Именно так она называется, ибо привселюдно на местах справляется и так же в самих людях, ее исповедующих, отображается.

Как и говорил прежде, вера та наша лишь духовно состоять должна и по сути своей нигде всеоглядно выражена не должна быть.

Тем самым не призываю к какому-то от нее отречению или не исполнению традиций разных. А лишь говорю о том, что вера сама по уму обстоит должна и быть выражена именно тем же. Кому как все то представляется и так же оно, по сути, в жизни и определяется.

– От того уходить всем надобно, – так говорит уже сам Бог и тут же продолжает, – не век же целый ходить к одному и тому же надобно, коли дань ума самого растет и выражается природно совсем уже по-другому.

Свои выводы сотворять надобно и на том поприще изыскивать уже лично свое, веру ту самую не отторгающе, а, наоборот, к ней все больше прилагаяще. То есть поросль ума вашего повседневного, творящегося по природе самой, и от того все больше в силе возрастающего.

Так вот сказал Бог и нам всем нужно довольствоваться пока этим. Скуп стал он последнее время на слова свои разные, и даже я сам порою не ощущаю приближения того, что как прежде было в года писания какого.

Не до нас с вами ему сейчас, а вернее, не до дел самих наших повседневных и забот. Ценою жизни саму жизнь в целом уберечь он пытается, и мы все без исключения помогать ему в том самом будем.

Кто верует здесь или нет уже не важно. То природно будет сотворено и, можно сказать, что нами самими.

Кому уготована именно участь какая – сказать, естественно, я не могу. Просто сам не знаю, а придумывать или додумывать что-то свое не желаю.

Есть иные признаки всего, что готовится и по ним, как говорят, надо жить или просто во времени быть готовым ко всему.

Так вот, к той самой вере возвращаясь, не могу не сказать одного.

Не все мы в ней искренне пребываем, и по воле каждого из нас она же творится где-то внутри. От этого дела все наши, как ни странно, страдают и от того же душевный порок во многом пребывает.

И в связи уже с этим хочу сказать, что искоренение его как раз в веры соблюдении приличия разного и находится или располагается.

Как хотите это – так и понимайте. Я же внемлю то по-своему и кому-нибудь свое навязывать не хочу.

В том и есть полезность учения разного, что оно само по себе не одинаково, а в целом к одному и тому же итогу приводит – к образованию ума дополнительного.

Самым же основным или рефлекторным нас самих снабдила природа. Нам же совершенствовать то все необходимо, а значит, развивать до той степени и поры, пока сам ум на ум не возложится, и в целом, как единое целое в своем составе не выступит.

Это большая победа будет в деле ума сотворения, а также в деле зарождения цивилизации иной и уже абсолютно не земной.

– Но до того еще дожить надобно, – так Бог говорит и добавляет, – не вы одни в своей вселенной состоите и кругом много всякого разного пребывает.

Возможно, кто и дотянется до вас самих, но вы пока знать о том самом просто не будете. Слишком слабы еще в развитии и ко многому нужно тянуть, как комету какую приводную.

Так вот еще обронил наш Бог и, как говорят, упрятался за небеса. Хотя это только говорится так и по-настоящему ему незачем все то творить, ибо есть у него свой дом, из которого ему видно все и Земля та наша, словно на ладони лежит совсем рядом.

Призываю всех вас немного посочувствовать ему самому, ибо в ряды-годы только и делать, что трудиться ему приходится и по большей части в доме своем, как говорят, родном, как для нас земном, он попросту не бывает.

Такова судьба уже его самого и, не думаю, что по сути вещей всех или ценностей жизни по-нашему разных, она какая-то наиболее удачлива или благоприятна.

Но это мне кажется так самому, а что же ему – то он сам и ответит, если, конечно, захочет.

– Во многом обязан тем самым вам самим, – Бог отвечает, – ибо были бы вы все здраво-мыслящи во многом своем числе, то и мне бы тот отдых полагался, яко и вам самим. А так, только и могу, что состоять где-то неподалеку, да красотами космоса великого любоваться. Незримо пока все то для вас или невидимо. Только я могу наблюдать что, да и то не всегда, в зависимости от прохождения тел небесных разных.

Судьбу свою, яко вы сами во многом числе, не клянусь и не отвожу куда дальше, а ею горжусь по-своему, ибо она жизнь сотворяет и ее же в пути развития бережет.

Так вот ответ тот состоялся, и кто хочет, тот его, как говорят, изнутри и услышит. На то вера содержится в каждом и исполняется по самой душе.

Так вот она по-своему и проверяется или определяется Богом самим в ком-то из людей, прижизненно на Земле состоящих.

Если есть отголосок какой его божеской силы гласа – то знать, душа та к нему хоть не намного, но приблизилась. А значит, по уму возросла и старается во времени самим разумом овладеть.

Все эти слова мои, как бы невзначай сейчас брошенные, имеют свою научную обгрунтованность, которую еще кому-то из тех же людей и доказывать когда-то придется.

Мне же самому приходится только все дела рода такого, как говорится, изыскивать и подталкивать кого-то к решению самостоятельному по воспроизводству указанного.

То есть, я как бы направление всего того даю и отчасти мысль ту разную божескую передаю, чтобы по ней дела ведались и чинно шли, что значит, воочию исполнялись, а не просто какими-то чинами дополнительными облагались, как во всякой нашей жизни земной.

Бог видит все то, да молчит пока, собой не навязываясь, и говорит тут же так.

– Сами за дела какие возьметесь вскоре, ибо будет не до того, чтобы время какое убивать и на чинов каких, вами же избранных, располагать.

То время временем созыва большого я называю и будет то вскоре среди вас самих, как то было когда-то в стародавние времена.

Веру упрочать свою больше будете и во многом сами себя уже превзойдете в деле достижения какого, а заодно все, как один, в нем самом, как говорят, грудью станете.

Вот такие слова его и, наверное, станут вполне очевидными. Коль нету сладу общего людского в делах каких, то и дело само не движется, а значит, застой очередной наблюдается.

С тем и бороться будем, если, как говорится, при жизни поспеем, коль сама природа не успеет у кого из нас ее отобрать.

Может и грубовато несколько сказано, да говорю так, как есть на самом деле, ибо неведомо никому, что назавтра будет, да и вообще впереди.

Только предполагать можем, да еще уповать на что, в тайной надежде на кого-то, что возможно, где и взыщется среди нас же.

– Но такого искать надобно, а не сидмя, как говорят, сидеть или сложа руки на груди, подобно какому покойному. То такая участь только тому и положена, чтоб смирение чтилось в образе людском, померкшем во времени. Живой же человек или люд, как я его прозываю, должен живостью своею преобладать и действовать всяко разносторонне и разнообразно.

На то она жизнь ему и дана для движения, а не для алчности накопления богатств разных, да общей приземноватости людской, в общем образе во время настоящее выраженном.

То так уже сам Бог сказал, а не я сам и, думаю, вы слова его от моих все-таки должны отличать. Мысль какую почерпывать самостоятельно, а не ждать истолкования какого в миру, на свету восходящего. То же и ко мне относится и, само собой, разумеется, стараюсь я сам, что понять самостоятельно, да сотворить по мере сил жизненных. Никто меня к тому не принуждает и все, как говорится, по доброй воле ведется.

Кто как понимает сказанное и в том есть, конечно же, существенная разница. Но, как и говорил я, все от ума зависит или точнее, от его состоятельности во времени.

На сиим исчерпываю строку введения этого и подпись свою на время прикрываю. Слово будет предоставлено кому-то другому и по ходу его выражения станет более понятным кому и почему.

Глава 1. Происхождение

– Отродясь такого не бывало, чтобы кто-то там повелевал мною, – чья-то душа упирается, как говорят, рогом и не дает возможности права взыскать всё с ее стороны.

То есть, правду нам узнать обо всем или точнее, о ее принадлежности кому-то из уже нашего времени. Также о деяниях ее праведных и не праведных, а помимо всего и о злодеяниях разных, в обиход участи людской направленных, да только на них самих отражающихся.

Но с Бога помощью все же происходит то, и вновь мы слышим голос тот заунывный, что временем гундосит немного, всхлипывая порой и прихрипывая.

– Что хотите узнать от меня все? – вскоре, несколько успокоившись, душа та спрашивает и застывает в ожидании вопроса нашего.

– Хотим знать, что ты собою представляешь? – внедряемся уже мы силою своей мысли общей.

– А чего здесь знать-то и зачем оно вам понадобилось? – спрашивает уже нас душа та окаянная и зубы свои ощеривает, словно в оскале жизненном зверином каком.

– Хотим знать, кто ты и какое место занимаешь среди нас же?

– А не выдадите ли вы меня потом? – упрасивает душа та строго, в своем оскале еще больше напрягаясь и глаза свои, так же звериные, выставляя напоказ, отчего страшно сразу становится и хочется убежать куда подалее.

– Не продадим, как ты то делаешь повседневно. Рассказывай, давай, очередно о себе, да о том, как на себя всю славу приняла, не дав другому взойти по-настоящему, – здесь уже Бог сам вклинивается в разговор наш, и, честно признаться, ему то больше по силе, нежели пока нам самим вместе взятым.

– Что ж, – сокрушенно соглашается душа та, качая при этом головой и все всхлипывая про себя, словно это ее такое начало прижизненное, – буду отвечать.

– Как на духу? – Бог наш строго ее опрашивает.

– А то, как же.

– Тогда, слушаем. Только волю языку своему бескостливому особо не давай, не то в косноязычности вся речь твоя и проляжет, – строго Бог упреждает.

– Не стану делать того, – душа та заверяет и чрез время небольшое начинает нам всем повествовать, кто она есть и зачем здесь на земле нашей.

– Слушайте, вы все, – так несколько крикливо и пафосно она начинает, но Бог тут же успокаивает, несколько прижимая ее по-своему и не давая напряжения того общего, что на Земле в целом есть от самих людских особей. Потому, душа та успокаивается немного и уже более дружелюбным тоном говорит, – начну с начала самого. Как был я фараоном расскажу, и от чего так стало, что в разные стороны спустя некоторое время мы все из египетского государства разошлись. Звали меня Тутмосом на то время и прородился я от вождя одного, что канул в лету благодаря мне самому. Это уже стало в черед правления Тутанхамона старшего. За сына я говорю, а не за отца его, что при жизни был очень чтим людьми, и горы те, пирамидами зовущиеся, воздвиг нам всем в назидание.

Имя свое я поимел только из-за одного. Любил подолгу на месте одном сидеть, да думы свои думать, как делал то когда-то самый первый на Земле фараон. Завидели все то люди, да вмиг и признали во мне душу ту покойную и захотели воздвигнуть на трон тот общий большой. А надо сказать, что истинному сыну того фараона первого дело то не сильно передалось и во многом путался он сам, тем самым людей от себя немного отталкивая и некоторые ошибки допуская. Я же земной хитростью уже тогда обладать начал и, свое усмотрев, вмиг к той власти приблизился, на выборах очередных свою кандидатуру и выставив. Долго велись все споры по

тому, и сами жрецы не могли решения какого принять, как вдруг комета на небе оказалась, и ее приняли, как знак смены власти на новую. Так жрецы те и сказали.

С той вот поры пришлось мне во всем властвовать и множество людей себе подчинить по большей части не делам каким, а лобызанию разному, к почету общему относящемуся. Все те ношения фараоновы я придумал и выдумал также, чтобы носили меня в бани, да там развлекали по-разному. Любил я и что-то новое выдумывать и неизменно сотворял то или отражал в людях. За то прозвали они меня славным в какой-то период, так как по большей части я только ее и любил. Но дела все же, однако, и мне приходилось кое-какие делать, да и как не творить их, когда жрецы те всегда тут как тут.

В общем, на страже того порядка они стояли и даже мне, как фараону общему от власти, не по себе было. Вот и задумал я от них всех избавиться и уже кое-что придумал, да тут оказия одна совершилась и в период грома одного большую часть их побил. Мне же пришлось только остальными заняться. Правда, для того пришлось время небольшое подождать.

Во всём благом утолял жажду я самостоятельно. Любил наряды роскошные, любил безделушки разные, что народ сам творил в угоду фараону – богу земному, а также любил время от времени за всеми присматривать, чтобы они сами мне какой вред прижизненный не нанесли.

Так вот и время мое шло, особо не в делах, а в беззаботье разном. Люди везде трудились, фараоны другие дань ту общую несли, и в целом все по-нормальному шло, пока снова гром тот не грянул и не заставил многих пересмотреть все те дела наши по-новому.

К тому времени жрецов несколько поубавилось, а новые пока до той власти не взошли. Я и воспользовался этим и под тот самый гром провозгласил власть на земле только свою и ничью больше.

Велел людям изгнать тех оставшихся жрецов, что якобы богатства пирамид сохраняли, объявив их самих ворами и кое-что подкинув в скудные жилища ихние.

Так вот обман зрения того состоялся и совсем скоро вся власть мне стала принадлежать, а то золото, что в самих пирамидах хранилось, начал я сам понемногу в место другое переправлять. Воздвиг со временем и гору другую, правда, меньшую в своем подобие, но зато по части роскоши какой ни на деталь не уступающую.

Оставшиеся еще жрецы и отчасти люди как-то пытались противостоять мне в деле том, но с непокорными я справился и, как говорят, отправил многих отдыхать вечно.

Тут душа та немного остановилась в речи своей, горько почему-то вздохнула и замолчала.

– Дальше продолжай, – подтолкнул Бог душу ту, что аж слезоточить начала, пытаясь очевидно снисхождение Бога самого снискать.

– Нечего тут притворяться, – Бог продолжил на своем, – ведай, что далее было и отчего так случилось, что люд тот египетский стал земли те все покидать.

– Что ж, продолжу, – душа та жалобно вздохнула и, мигом все нюни свои подобрав, вновь в рассказ претворилась.

– Как тех последних жрецов не стало, что у власти самой подле меня стояли, так я к другому исполнению желания своего приступил. Показалось мне тогда, что не все дань или дары сносят мне одинаково и даже кого-то я в подлоге заподозрил. Вот с той поры и начались мои гонения и за каждую провинность я людям каким спуску не давал. Оттого ропот пошел в королевстве моем или царстве, что так и так называлось в то время, а уж после начали отделяться многие и уходит поодаль от меня самого, как говорится, кто с чем.

Что мог я, конечно, забирал силой или возвращал обратно, но в конечном итоге распалось общее государство то, так как иные фараоны, узрев свою свободу личную от деления того, те же народы к тем действиям и подтолкнули более.

Так вот быстро совсем за небольшой период разделилось то государство на многие царства, а сами фараоны разбежались кто куда, прихватив сокровища с собой, да еще часть тех ценностей, что просто для быта предназначались.

Не стало больше Египта, как государства большого, и территория вся только мелкими каким-то остатками и заселена была, в основной части теми, кто идти куда не пожелал и остался просто на месте. Мне же своего хватало и в ряды-годы я еще беззаботно долго жил, предаваясь утехам разным. Законы свои создал и обязал людей еще больше трудиться только на благо мое, да еще нескольких, что рядом ту власть мою сохраняли.

– Отчего ж не стал многих загонять обратно? – сурово Бог спрашивает душу ту.

– А зачем то было нужно. Богатств каких и так хватало, а работа и забота лишняя мне была не нужна. К тому же, хоть иногда, но своих воинов посылал я в земли другие, и они мне доставляли то, что я желал, будучи на месте. Так вот я и правил все время и само оно для меня казалось по-настоящему золотым. Так я его обозначил в некоторых писаниях своих, что жрецы те уцелевшие сотворили, милость к которым я проявил годы спустя и повиновения их общего. Много переделано было и во многом ошибок разных я сам сотворил, чтоб всю правду ту развала состоявшегося на самих жрецов перенести и им самим в вину поставить. Было такое, каюсь, – душа снова жалобно завывала и в сторону Бога пытливо посмотрела.

Но Бога нашего просом тем жалобным не обманешь и он, строго осудив взглядом душу ту, произнес следующее.

– Расскажи теперь, как ты обманом Римом овладел уже погода. Чьим именем тогда пользовался. Как до власти той сам добрался.

– А вы меня кормить будете? – неожиданно ни с того, ни с сего душа та спрашивает. – Долго рассказывать придется, – как бы оправдываясь, продолжает она и уже почти стонет, словно в агонии какой жизненной.

Бог снова осмотрел ту своим суровым взглядом и, взявшись за рукоять какую-то, потянул ее вниз.

– Пусть, немного попользуется, – так уже он нам объясняет действия свои, переводя рычаг тот в нужное для него положение, отчего душа та вновь как будто оскалом звериным засверкала, и преобразаться начала, силу свою изначальную понемногу восстанавливая.

– То нужно ей сейчас, – так нам Бог поясняет и добавляет кое-чего к тому самому, отчего мы заключаем, что так действительно необходимо для того, чтобы услышать продолжение всего того рассказа.

Потому, набравшись терпения, ждем, пока все то завершится, и душа та, так называемый, статус свой первоначальный приобретет.

Но вот, время некоторое прошло, и мы снова наблюдаем практически предыдущее описанную картину до того самого момента, пока сам Бог не принуждает душу вновь к беседе самой.

– Ну, что ж, рассказывай далее, – подстегнул он ее и, словно каким током ударил, так как дернулась немного она и на мгновение замерла. Затем вновь оживилась и начала уже более обычно исповедоваться дальше.

– Так вот, – продолжила рассказ душа, – после смерти своей, которую я слабо почему-то помню, я вновь переродился. Сила есть у меня такая земная и долго где-то в небесах или под землю самою не нахожусь. Потому, немного погуляв по просторам, снова на Земле выразился, правда, уже в теле ином и более суховатом или тесном для самого меня.

Тут душа та криво усмехнулась, как бы вспоминая все свои прижизненные неудобства, и спустя время продолжила рассказ.

– Звали меня на то время Тиберием. С тем именем родился и с ним же в мир иной уходил. Правда, при жизни пришлось иногда сменять его в угоду кому-то и во благо самому себе. Так удобнее было просто иногда, – снова усмехнулась та душа, очевидно, вспомнив что-то не совсем лестное для себя.

– Бывало, что сразу несколько имен к телу своему присоединял и оттого путаницу во многом пустил, – как бы извиняясь, продолжила душа, – но по работе моей всегда то угадать

или распознать можно, так как я практически всегда занимался одним и тем же. Попросту ничего не делал. Только правил как царь и законы, подвластные мне самому, создавал. Порой завоевывал немного, но не своим трудом, а других пользовался, за что им извечно благодарен и во времени каком старался всегда уже их души к себе присоединить.

– А разве так можно? – спрашиваем уже мы, немного не сдержавшись и не дождавсь самого Бога пояснения.

– Можно, потом объясню, слушайте далее, – пожурил нас немного Бог и снова душу ту к разговору подстегнул, словно током каким ударил.

– Так вот. Начал я с мастерового придворного, – продолжила рассказ душа, – и совсем через отрезок времени небольшой дорос до более высшей степени или ступени власти, привязавшись к одному вельможе, который сильно любил какие-то свои речи с трибун, только тогда появившихся, воздвигать. Демосфеном его звали, как сейчас помню. У него я многому научился. Как речи самой изысканной, так и мастерству ее по факту одурачивания ближнего какого или поодаль стоящего. Спустия время и я стал обладать талантом тем и даже обошел Демосфена самого, отчего тот сильно на меня обиделся и навсегда трибуну ту покинул. А мне только на руку было то и, воспользовавшись таким удобным для меня моментом, я к самой власти ближе подобрался, заняв более достойное место и прорвавшись практически в сенат.

Правда, сенатором я не стал, а приходилось трудиться довольно долго просто писцом и оратором. То есть, те самые писули чьи-то с трибун оглашать. Но спустя время заприметил сам император меня и так как я, часто речи декларируя, в грудь себя кулаком стучал, то и определил он меня одним из военачальников, вначале возле себя в лице охраны поставив, а затем и немного войска мне придав, наделив статусом полководца. Так что, через время был я уже и тем, и другим, овладевая познаниями со всех сторон.

Правда, уже лично мною овладевал и сам император, и правду ту сейчас от вас не скрою, ибо есть у меня на него премного обид именно за это. Использовал он меня в самом прямом смысле слова или довольствовался иногда, когда к другому полу охота всякая отпадала. Таким тогда был сам Рим под предводительством того великого царя.

– Что дальше стало? – прерывая несколько рассказ тот, наш Бог спрашивает.

– А дальше уже я сам, к делу тому приспособившись, начал царем или императором римским управлять и практически стал им руководить, как он мною во время сближений тех адских. Так говорю, потому как мучения они мне приносили, а порою просто раны кровоточивые. Многого я сотворил в угоду делу лично своему и многих из империи той практически выдворил, внемля царю-императору тому разное и о якобы готовящемся заговоре супротив него. Так вот я и жил, в боли немного изнемогая и в сладости во многом пребывая, ничего фактически не делая и только за властью своею, почти императорскою, следя.

– Что за имена обретал за время царствия того? – спрашивает строго Бог.

– Был я Тиберием, как и говорил. С тем именем и ушел. А вот по ходу обозначался многим. Был Феофаном – царем критским; Феокфилом – царем лидийским; значился как Лекторат за речи мои, людей привлекающие. Теократ – за те же речи патриотические. Простократ – от простоты моей людской изначальной. Пантиб – от речи моей горластой. Панклиотид – сущность бытия моего отображающее. Телемонид – героем представлял себя разным. Понтид – для большего уважения к персоне своей со стороны простых людей. Может, что и позабыл сейчас, не помню, – можно сказать, душа честно призналась, и видать силы ее вновь иссякли, отчего Богу пришлось снова за рычаги управления взяться.

– Будем далее выслушивать речи ее, – поясняет Бог, – не так проста та душа, как казаться всем хочется.

И уже к следующей исповеди своей душа та окаянная подготовилась более прочно. Силь ее непомерно возросла и почти самого Бога достала в разных выражениях сути ее, по Земле в

целом ведущейся. Но через время он сам успокоил немного то и, придав вполне облик людской, вновь приступил к опросу.

– Какие далее жизни ты проживал? – строго спросил Бог, заставляя своей силой душу ту немного вскружиться на своем месте.

– Надале многоим при жизни своей становился, так как и говорил, где-либо долго я не задерживался. Потому быстро в живность какую превращался и снова телом возрастал, как мог до своего предела. По ходу жизней тех многих многого пришлось повидать и исчерпать всю боль людскую именно на себе, так как я ее сам и воздумывал, и на самих людях время от времени проверял. За то прозвали меня садистом и обозначили другим плохим словом, что в истории самой мало отобразилось, да только самому мне о том можно сказать и ведомо.

– Только ли тебе?! – с восклицанием наш Бог говорит, давая понять, что ничто на Земле не замеченным не остается.

– Да, да, – соглашается та душа, как бы внутри переживая, что так произошло с нею самою, – мне, да еще Богу одному, – поправляется тут же она и вновь беседу продолжает.

– Так вот. Многих чудачеств каких житейских я при жизнях своих претворил и во многих делах самое непосредственное участие принимал. И за то получил статус души неприкаянной, что обозначает в века по земле волочиться и свое место на небесах не находить. Видно и останусь на Земле тут навсегда, если вдруг люди осмелятся покинуть ее, – горько запричитала внезапно душа, очевидно мало радуясь такой перспективе.

Но Бог прекратил то действие и, строго усмотрев вновь, дал новый толчок тому рассказу, отчего беседа сразу оживилась и обрела оттенок несколько иной.

– Судьбами многих руководил я в свое время и руковожу даже сейчас. Не знаю, как то у меня получается, но приземно все проходит и люди те самые мне почему-то верят. Наверное, сами в душах своих такие же. Оттого так и происходит наяву. Но вернусь к началу, и кое-что порасскажу о тех жизнях прежних.

Так вот. Пришлось мне самому государство одно обустроить и так оно случилось, что на тот момент был я действительно сам по себе, и надо мною больше никого не было. Стал я королем, родившись на этот раз как раз там, где мне нужно и ухватившись сразу за власть свою, как за истинно мне необходимое. Было то во времена, так обозначенной, столетней войны. Людовиком меня прозывали и любил я премного четвертовать людей. Оттого четвертым меня все и прозвали, хотя на самом деле был я по роду шестым. По крайней мере, так мне то помнится и, очевидно, оно так и было, – душа та вспоминает и это ей несколько с напрягом дается. – В сути той королевской пробыл я долго. Казни любил все новые придумывать, людей испепелять, сжигать значит, также приказал, гильотину обустроил, чтобы сходу голову ту непокорную чью отрубать и многое другое, о чем и вспоминать страшно, так как всё то очень нелицеприятно было даже глазу моему, в делах таких во многом искушенному.

Особо помню, как над городом Лилль хорошо поиздевался. Казнил премногих и особенно тех, кто власть мою королевскую поправить хотел даже просто какими-то словами. Слово буржуй – то при мне произошло, хотя и зазвучало оно в самой истории гораздо позже. Не любил я сильно, когда кто-то к моей власти земной сильно близко подбирался. Потому, поделил я на классы то общество людей разных и велел субординацию ту соблюдать, чтоб не обидно кому было за принадлежность свою, а мне за саму власть, по роду самому причитающуюся.

Действиями теми укрепил я саму власть королевскую, было пошатнувшуюся при моем предшественнике. Такие вот изменения произведя, я вначале успокоился, но затем вновь переустановил мною сделанное, и вообще отделил всяких там герцогов и им подобных от власти самой, мне по крови близкой принадлежащей. Может, потому чуть позже та самая война и случилась, так как не хотели многие того, что я сам хотел, и то и дело, что воду мутили, со стороны в сторону из одного лагеря в другой переходя. Но так было и та война по-настоящему затянулась, потому как никто не хотел сдавать свои властные позиции. То же происходило и с

противоположной стороны, где уже Ричарды власть подхватили и ни с кем делить ее не желали. Так вот и творилась история войны той вековой, что как раз ровно столетие длилась, происходя в основном между своими, а не самими государствами. То только так обозначалось, что кто-то там вторгся или еще что в этом роде. На самом деле вассалы мои или с другой стороны власть между собой делили и боины какие учиняли. А, чтоб шито-крыто было, нанимали всякий сброд, что с одной, что с другой стороны и им же воевали, захватывая или же, наоборот, те земли отдавая. Такие вот чудеса при мне происходили, и сам я в той войне мало участвовал. Знал, что происходит, а потому просто жестоко наказывал кое-кого и мне того хватало, чтобы власти самой королевской не лишиться и связанного с ней богатства, которое я наиболее любил в ней самой вместе со свободой действий всяких, что при том имелась. Так и помер я Людовиком тем четвертым, и в летописях то все отразилось. Неправда только в действиях годов каких повелась, так как помимо меня был или правил еще и предок мой, по-настоящему четвертый по счету. Я же, как и говорил, шестым был, да и сплыл потом смертно, что значит, утоп в ванне своей, мне как купель приготовленной. Такая вот моя та судьба в том теле. Надалее я уже в ином пребывал и уже спустя время многое, так как почему-то на сей раз задержался между небом и землей надолго. Металась моя грешная во многом душа по свету и места себе не находила. То к одному, то к другому телу пристанет, отвоюет его у человека самого, да так и остается, пока тот смертно не падет или попросту не умрет. В общем, погибель вызывала присутственность моя, и всяк я к другому какому телу приставал после случая такого очередного. Наконец, выразилась моя душа снова в теле, и во многом оно чем-то схожее на все предыдущие было. Стал я почему-то воином, хотя по своему укладу внутреннему к делу тому мало подходил, да вот так почему-то случилось.

Но им я недолго пребывал, так как тут ко всему вся моя властная натура подключилась, и через время некоторое продвинулся по службе гораздо выше. Дошел со временем до чина фельдмаршальского и много времени пребывал в нём, успокаивая свои внутренние слабости силой власти той мундирной. Носил перевязь я тогда от косоглазия небольшого и со временем оно в моду времени того вошло, как дань службе военной при тех царях. На посту своем фельдмаршальском старался я все больше к власти быть приближенным и вскоре сам того добился, став практически первым подле самого трона. Так и в этот раз все мои мечты сбылись и по сути многим я управлял сам, невзирая на косые взгляды сослуживцев или того же двора. Но, кто они были такие, чтобы мне указания давать. Потому, я их поприжал немного, подсказав власти той, что пора их всех в такие же мундиры заковать, как на мне самом и службе общей предать, как повинности какой-то государственной. Потому, через время успокоились те, и больше никто и никогда ко мне не подступал и даже взглядом не косился, боясь, что я его на службу ту определю. А время было совсем неспокойное и войны, то и дело, то там, то там возгорались. В общем, стал я можно сказать первым лицом государства того, что представлял и впоследствии преподнес один небольшой сюрприз для власти самой, что под конец правления моего как-то позабыла меня самого, почестями очередными не обдавая и в очередной раз не награждая. Потому, пресек я клятву своей жизненной верности и добился письмом одним, чтоб землю ту, где я видимо служил, предали огню всякому. Так оно и случилось потом впоследствии, правда сам я того не повидал и вдоволь тем самым не наслаждался. Но душа все же поимела в целом свое, во многих иных телах затем побывав и все то узрев только уже другими глазами. Так вот я ту жизнь фельдмаршальскую и закончил, и, честно говоря, так и не понял, отчего судьба или душа наградила меня именно этим, к чему я собственно никогда усердно и не прилегал. Но жизнь заставила тогда немного потрудиться и славу свою я вовек заслуженно завоевал. Хоть и трудно было порою, да все стоило того в конечном итоге. Других же свое тщеславие сгубило, и были все они во многом грешны и мало воспитаны. Отчего в штаны писали, когда я сам лично за их воспитание брался и розгами теми потчевал, что нам по долгу солдатской службы лошадиной придавались в обиход. Так вот высек я многих генералов тогдашних и премногих

по миру пустил, кто мне противоречил или не хотел особо службу ту возлагать. Так я душу свою потчевал, подогревая изнутри интерес ее ко всякому ранонанесущему и болеприносящему. В общем, когда преклоноколенность в войсках тех прекратилась, тогда я и покинул мир тот живой, о чем, естественно, не жалею, так как от службы солдатской я мало что лично для себя уже поимел, кроме, конечно же, славы искромётной и всяческих похвал, что ту же славу в чем-то подменяли.

Так та моя жизнь завершилась, и снова я долго пребывал вне ее, пока в следующей не оказался, что привела меня сразу к самой власти, можно сказать, отродясь. Родился я уже принцем и дело то было где-то в теплых краях. Сейчас уже не помню, как то государство небольшое обозначалось, но королем я стал, можно сказать, очень быстро после своего рождения. Возможно, так власть на меня предыдущее подействовала или что другое в душе моей сотворилось, но стал я ту власть саму ненавидеть воочию за всё преклонение ее перед самим собою. То есть, приходилось все время бороться за нее, так как все иные также хотели того добиться и стать, подобно мне, королями. Став королем, я вмиг обустроил все, как надо, обозначив лишь самого себя во всех наследиях и даже после смерти право такое закрепил за собой, чтоб люди ту повинность чтили и в ряды-годы соблюдали молебен особый по моему же возвращению обратно. И надо сказать, что люди тому подчинились. Молитвы еще при жизни мне чинили, отчего я сам как бы из себя восставал и словно раздваивался на свету денном, чем поражал многих, в том числе и самого себя, так как видел то со стороны, глядя в простое зеркало. То была сила молитвенная такая в самых простых людях состоящая. С той поры я и поверил в молебен тот разный и начал понемногу сиим делом заниматься, изучая дела те, что необходимы были для знаний таких.

Так со временем я из великого сластолюбца к жизни какой начал в другого превращаться, которому по большей части сила была нужна пророждения всякого вне самого ведома людского. Сила та давала мне многое. Ту же власть, те же наслаждения и наименьшую степень сопротивления со стороны какой другой. Быстро усвоив все то, я вмиг в другой образ переродился и спустя время смертного часа своего, занял подобающее мне место в чертогах города одного, соединяющего в себе всю власть мирскую и уже, как говорят, божескую на Земле. Стал я папой со временем и так меня все величали при жизни следующей той. Сладости души моей не было предела. Я, наконец, возымел всё, что хотел и пользовался им до предела. Конечно, были кое в чем ограничения, но со временем и с теми трудностями душа моя справилась и повелевала всеми так, как сама хотела. Все мы грешны на земле этой, а потому грех какой я сам отпускал, не забывая при этом самого себя и тех же подчиненных мне близких. Долго служба та моя продлилась и может быть длилась бы и сейчас, не вмешайся Бог во все дело, вмиг высвободив ото всего и поправ на корню все мои истинные прегрешения. Так вот я без души своей родной остался или точнее, пользуюсь только частью ее, все же остальное где-то в другом месте пребывает, ожидая часа какого-то другого.

Тут уже сам Бог вмешивается, не дав немного договорить душе той.

– Вижу, что на пользу тебе то пошло. А то неизвестно, чем бы и закончилось. Слишком уж деятельность свою развил неистовую в вере той великой, мною людям приданной, как отдельную величину совести их земной. Поживешь так пока при жизни той, что я тебе оставил и может, поправишь тем самым все дела свои в тех самых жизнях, о которых рассказал. Анафему наложило на тебя само время. В нём и искупать все будешь и время твое на то пришло.

Здесь надо сказать, что-то действительно с тою душой случилось, так как вмиг вся затряслась она, огнем каким-то внутренним вспыхнула и искрами со всех сторон обдалась.

– То так высвобождается она от своего, – Бог ту ситуацию поясняет и придает несколько силы душе той, чтобы она в более нормальное положение возвратилась и, как говорится, в чувства свои пришла.

Совсем скоро все то нормализовалось и на поверку уже более чистая душа вышла, мало чем похожая на ту, что была и перед нами исповедовалась.

– Теперь в путь дорогу ее отправляю, – говорит нам Бог и сходу окрещает душу ту. Тем самым позволяя ей самой прижизненного света денного добиться. – Так она быстрее дорогу в душу кому найдет, и дело свое сделает, мне самому подчиненное.

– Какое? – хотим спросить тут же мы, да Бог тот вопрос отводит и сам задает уже свой.

– А готовы ли вы душу такую принять к себе на проживание?

– Нет, упаси господи, – тут же крестимся уже мы и даже отступаем в сторону.

– Ну, ничего. Другие воспримут, кому она сама понадобится по делам ихним, и дело то мое исполнят в черед ее самой.

Что то за дело такое, естественно, пока мы не знаем сами, да и Бог не спешит пояснить то, и вместо этого уже другую душу воздвигает для разговора иного, словно в путь тот исторический приглашая, по которому мы все прошли, да только по сути дел всяких ничего и не знаем. Только догадываемся, да и то невпопад, и по большей части, кому как в голову что сбредет. Так вот оно и идет по времени, и все по одной дороге топчемся вместе того, чтобы в ногу с ним идти и развиваться далее.

Но подождем пока с выводами такими и дождемся очередного опроса души приземной, что уже на очереди стоит и так же огнем дышит, если не сказать, бьет копытами от своего нетерпения.

А надо отметить здесь, что после такого, души те облегчаются и вскорь в небо уходят, что им при жизни самой не дано от их сильного загрязнения. Но и об этом потом скажем, а пока очередную душу ту приглашаем и даем ей спокойно пройти к нам самим для опроса того исторического и попросту для всех нас познавательного.

Через время небольшое Бог приближает душу ту и на первый взгляд она не кажется нам какой-то вредной или опасной. Но так происходит недолго и вскоре по мере приближения того вся нутрь её как будто восстает и перед нами становится словно преграда огромная, по своей величине почти до неба, что у нас перед глазами имеется, достающая. Такова величина ее. Что ж, посмотрим, как она опасна и приготовимся просто ее выслушать.

С того и начнем.

– Как зовут тебя? – уже вместо нас сам Бог душу ту опрашивает и приборы все свои заблаговременно проверяет.

Душа та молчит пока. Тогда он снова что-то внедряет и от силы той душа как бы вскрикивает и тут же упрощать начинает.

– Ой, не бейте меня ни за что, ни про что. Что я вам такого сделала? – говорит она козлиным тихим голоском, как бы на ходу слова те воспевая.

– Отвечай на вопрос, – говорит Бог и уже почти руку заносит для удара повторного силой той, ему только ведомой.

– Ой, не бейте, все расскажу. Что было и чего не было, – душа, завидев то, запричитала и тут же мигом все о себе порассказала.

– Зовут меня Мемфисом тем великим, что когда-то города у других отвоевывал и сам потом великим стал благодаря дару внутреннему моему жестокости особой от самой природы. Римскую империю укреплял, без конца в походах состоял и желал премного богатства всякого для нее и себя лично принести.

– Удалось ли то? – строго Бог спрашивает.

– Да, удалось во многом. Только вот мало всем тем наслаждаться пришлось и по большей части уже последующие императоры то поимели, в довольство свою живя и в походах тех вечных не пребывая.

– Что, обидно стало за себя?

– И это имеется. Как же так. Я потрудился, а другие воспользовались. Но дань себе же я все-таки возложил одиночную и в ряды-годы вспоминают меня очень многие и даже именем причащаются в людской толпе сполна. Сплошь и рядом Александрами всех зовут, как и меня

в свое время прозывали от великой похоти моей к чужому богатству и славе. Имя то я сам выдумал и так прозвался только потому, что и сказал предыдущее. Но люди того не знали, да и не было им дела до того тогда. Богатства империи всем ум тот затмили, не говоря уж о значении имен каких, что при том времени кому-то наделялись.

– Что ж славу свою подрастерял в годах, уже в иных жизнях состоя? – спросил Бог душу ту совсем сурово.

– Да, надоела мне она, опротивела, как увидел я опосля, что с теми богатствами случилось и как под их весом иные жизнь свою вели.

– Кем же стал потом? – далее Бог спрашивает душу ту прегрешенную во многом, в крови людской простой утопшую.

– Далее я вновь переродился и стал правителем каким-то где-то на островах больших. Долго та душа моя прежняя очищалась, да только спустя время большое на Землю и опустилась, в теле том выразившись.

– А не было ли у тебя другой души или иной части? – тот же Бог спрашивает и присматривается к душе той, наблюдая, как она себя поведет.

– Была, – честно признается она и продолжает, – да только вот порастерялась как-то в годах и отчасти передалась многим людям, по частям мелким разбившись. Оттого хиреть они немного в силе своей умственной стали и так же, как и я, к крови той людской потянулись. Признаю, есть в том вина души той части, но с тем уже ничего не могу поделать, так как собрать ее просто невозможно.

– Отчего ж разделилась она? – спрашиваем мы сами, душу ту уже меньше боясь, зная, что Бог защитит в случае чего.

Но душа та, услышав наш голос, резко воспротивилась всему и вместо ответа только фыркнула, очевидно, давая понять, что мы для нее просто пустое место.

И Бог то же самое сказал, при этом дополнительно указав.

– Не любит она всё людское и людей самих ненавидит. Оттого и не разговаривает с кем и в контакт, так называемый, не вступает.

– Отчего ж та нелюбовь повелась?

– Да из ненависти личной ко всему живому, – так вот просто Бог поясняет и снова берется за свои рычаги, душу ту по-новому обрабатывая.

Спустя время, в порядок «разговорный» её приведя, он вновь спросил её о том же, что и мы пред этим.

– Разделилась потому, что так мне самому хотелось, – поясняет уже душа, – не хотел я видеть все то подле себя рядом, а потому по миру и пустил, желая самих людей к делу тому приспособить, чтобы они злее и настырнее в чем были.

– Чем же провинились люди те пред тобой?

– Было дело, – оправдывается душа и, вспоминая что-то, про себя говорит, – если бы жизнь ту младенческую не погубили, то возможно и не было бы нелюбви или корысти той большой ко всему. Было время, когда и я, как и все другие, хотел своей семьей обзавестись и по роду продолжить, но не дали мне того и в поход за богатствами теми вытолкали. Жизнь ту, самую малую, на корню загубив и предав мечу жизнь другую уже взрослую. Так вот и ожесточился я сам и уже дальше нелюдем стал, попирая всё людское, что в этом, что в том миру сотворенное.

– Ясно теперь все, – говорим мы и тут же рот рукой прикрываем, забывая о нелюбви той общей.

– Не бойтесь особо, – Бог вступает уже за нас и своею рукою душу ту окрещает, – поиссякла уже ее сила, сквозь века пройдя и во многом в самих людях отобразившись.

– Как же собрать её обратно? – спрашиваем мы, в надежде, что Богу нашему всё то под силу.

– Да, не собрать уже, – просто он отвечает и поясняет несколько сказанное.

– Сила та, на кусочки мелкие разбившись, прочно в душах иных осела, и чтобы ее оттуда изъять, нужно нечто большее, чем просто окрещение какое или что-то подобное в этом роде.

– В целом, нужен ум другой, – так Бог все то заключает, тем самым давая понять, что последующее за сииим злом прочно уложится и уже не даст тому прежнему когда взойти.

– Но время не дает возможности такому состояться, – продолжает Бог пояснять снова, – потому и ратую я все время за любовь всеобщую людскую и хочу ненависть ту вашу общую со всех душ искоренить. Только вот мало в том вы сами мне помогаете, – сокрушается Бог и головой со стороны в сторону качает, – нужно усилия прилагать большие и от всеобщей нелюбви той бесчеловечной уходить подальше.

– Как же сделать все то? – спрашиваем мы, но ответа не слышим, так как душа та, словно от чего-то вострепнувшись, снова заговорила, произнося следующее.

– Помогу в этом, – внезапно выпалила она, напрягшись во всем своем виде, как струна, и еще больше в небо уходя, – сам буду устранять то, что и распространил ранее. Людей тех буду находить и тем же казнить, чем больны сами. Болезнь того распространять буду, страхами всего прозывающуюся и в душу любому прокрадывающуюся, кто хоть немного, но крови той людской испил.

– Когда ж наступит то? – спрашивает уже сам Бог, внимательно душу ту созерцая и управляя пультом тем самым.

– Да, уже скоро. Вот только весна наступит, так болезнь та по миру и пойдет, словно мор какой, людей поочередно из стаи той общей волчьей изымая. Так всех прозываю, кто по душе своей такой же и в ком та самая моя прежняя частица души состоит.

– Сам же, как думаешь очищаться? – строго Бог спрашивает и прямо в глаза душе той смотрит.

– Потом все грехи смою, – так просто душа говорит и вновь замолкает на время.

– Ладно, дам ей возможность сотворить такое. Пусть, по Земле погуляет и соберет все то, что было во времени ею же роздано

– А возможно ли то? – спрашиваем мы, с интересом на Бога посматривая, что вновь засел за свои приборы.

– Да, вполне. Вот только боюсь я, что слишком многие могут пострадать от того, в том числе и дети малые. В их душах крохотных так же величина та содержится, и силы самой пока маловато для борьбы с тем же.

– И что же тогда? – переживаем мы уже сами за своих детей, где в дому каком оставленных на попечение самих себя.

– Ничего. Сами управятся, и вы все в том поможете своею добротой искренней и пояснением разным. Для совсем слабых подготовлю людей специально. Они-то и станут всем тем дополнительно заниматься.

– А не опасно ли то все в общем и не может ли эпидемией какой выразиться? – уточняем на всякий случай мы.

– Нет, того не состоится, а вот страхи общие по всему присутствовать все же будут. Потому, заранее о том упреждаю и душе той странной для вас во многом свои задания ставлю. Они секретны пока для вас и по ходу жизни дальнейшей все то разъяснено будет в согласии с самим временем проявления подобного. А пока отпущу душу ту грешную, пусть доочистится себя самостоятельно и уже несколько позже к указанному ранее приступлю.

– А что, больше душе той на Земле выразиться не удалось? – спрашиваем мы, в надежде, что еще что-нибудь интересное от нее услышим.

– Почему же, удавалось иногда, когда сила немного спадала и давала возможность всеобщего расселения. Но по большей части в людях простых отлагалась и для истории самой мало заметной оказалась. Так бывает, когда контур души той превосходит все остальные и им

управлять практически только уже искусственно можно. То погибель по сути дела души изначальной, созданной природно и оттого она так по самой жизни мается.

– Что ж, выслушали эту, послушаем и других, – так заключил через время Бог и приступил к исполнению им сказанного.

Опять послышались как бы со стороны какие-то стоны и к нам, как и всегда, начало приближаться что-то, издали совсем непонятное и какое-то в целом бесформенное.

– То душа аглоеда жизненного, – так Бог объясняет, потихоньку душу ту приближая, предоставляя возможность нам самим хорошенько разглядеть ее, как говорится, со всех сторон.

– То так вы сами выглядите в общем своем числе, – через время добавляет он, когда душа та совсем близко подошла и на нас как будто нашими же глазами впилилась.

Но мы слову Бога не обижаемся пока, зная, что просто так он сам того не скажет. А значит, причина есть. Потому, терпения наберемся и выслушаем душу ту прибывшую, которая молчит пока и всем видом показывает, что говорить не хочет.

Но Бог быстро дело то поправляет и в один миг она всю спесь свою сбрасывает, принимая вид абсолютно другой и уже более на человеческий похожий.

– То я очистил ее немного, – Бог пояснил событие такое и принялся ожидать разговора или своеобразного покаяния души той пришедшей.

– Можно скажу что-нибудь? – как-то жалобно она спрашивает, Богу нашему в глаза заглядывая и потихоньку ближе пододвигаясь.

Но Бог удерживает ее на каком-то определенном расстоянии и уже более сурово приказывает.

– Расскажи о себе все, что знаешь. А что думаешь – оставь при себе.

– Так и быть тому, – так же горестно душа вздыхает и начинает рассказ свой о жизнях, в коих пришлось ей во времена каких пребывать. – Родился я когда-то Плутархом. Более раннего уже не помню, да и не нужно оно, если следа душевного своего не оставило. Так вот. Помню детство свое, пройденное во многом ногами своими, и вспоминаю день тот, когда уже юношей я стал и мог с другими состязаться в соревнованиях небольших. То был период отрочества моего и во многом он стал тем, что можно назвать формирующим характер земной. Помню, старались мы все во многом и старались изо всех сил друг друга в чем-то обогнать. На поприще том мы все и выросли, так в душу и заложив непомерную тяготу большую в деле достижения первенства какого, в том числе и верховодного, то есть, по сути, властью какой обличенного. Совсем скоро благодаря тем самым качествам своим, на общем поле извечных соревнований достигнутых, стал я сам властным, так как стал избираться в местный совет и уже затем далее продвинулся, можно сказать, к самому одиночному правлению.

Был я управителем местным и потому совсем скоро забыл, что такое сам труд, а вместе с тем – животом или телом в целом обрастать начал. Понемногу то вначале было, но затем так понесло, что пришлось народу тому, что меня избрал самого, меня же в бочку заколачивать, чтобы не рос в теле я дальше. Прозвали за то меня Диогеном за ту прочность оков бочковых и особо голос индивидуальный, что такого же характера произрастал, исходя из помещения того, куда меня определили.

Бывало, что бочку ту вином заполняли, чтобы хоть на немного высвободить меня из-под гнета оков самих и дать телу тому, как говорится, подышать. Вино со временем испарялось, голову мою будоражило, и через какой-то период я снова в оковах оказывался, чтоб больше не расти и в весе своем в целом не прибавлять. Такова вот моя жизнь была и во многом по правде описана.

В общем, из бочки той я людьми всеми командовал и тем самым запомнился им именно поэтому. При жизни той взрослой мало чего я повидал и даже утехам каким мало предавался из-за обилия тела моего и малой приспособленности к «ходовой» части жизни. По большому

счету рассуждать начал я премного и теории какие выдвигать на люди, за что они меня конкретно полюбили, так как я во многом их же труд и провозглашал.

Себя же к жертве не труда того отнес, о чем людям соответственно говорил и ругался на чем свет стоит от того, что кто-то хоть на немного начинал при жизни своей принимать чем-то похожий на меня вид.

Вот тем самым та самая моя жизнь мне и запомнилась, и уж не знаю, от чего так случилось, что те же люди, не полнясь, приписали мне и кое-что другое.

Многие рассуждения мои были, конечно же, записаны иными и, естественно, распространялись по земле нашей. Может, кто и дополнял что, а может по-своему и сочинял. Сейчас не могу знать того, но во многом так получилось, что все те речи приписали мне и от того сам я в истории остался как великий философ какой-то и прижизненный мудрец.

То так одна жизнь моя состоялась, из которой я почерпнул немало и именно то, что всегда нужно за труд тот держаться и воли лени какой не поддаваться. А иначе тело само в упадок придет и во времени спад его свершится, нарушая тем самым все мысленные его стороны, что также от тела во многом творятся по природе самого воздания нашего людского.

Но вот со временем, от того старого освободившись спустя время где-то вековое и в душу новую воплотившись, я совсем по-иному жизнь свою начал и уже больше не предавался глупости той, что когда-то меня в оковы те жизненные загнала.

Стал я по жизни более простым и уже за властью особо не гнался, да и стремление к первенству какому как-то немного поостыло. Очевидно, и здесь сказалось то же, а потому по большей части выражался я простым человеком и к труду простейшему прилагался изо всех своих сил. Лишь несколько было из жизней тех более «удачных» и я вновь занимал, так называемые, кабинетные места. Но и здесь старался избегать подобного сил накопления и время от времени на природу общую прогуливаться выходил, самим трудом непосредственно занимаясь и от того само благо истинное в самом себе прижизненно испытывая.

Вот такие жизни все те мои и многими из них я горжусь, потому как понял истинное назначение жизни той и для себя в том же теле отметил.

– Что же сейчас с этим? – как то строго Бог спросил душу ту, отчего она, глазами потупившись, как-то тускло произнесла.

– Сейчас временно греху предался, но обязуюсь исправиться вскоре, так как самому тяжело от всего того и во многом мысленно сам же страдаю.

– Хорошо, исправляйся, давай, – говорит наш Бог и душу ту, уже более светлую и в гораздо меньших размерах, куда-то в небеса отправляет, что и нам самим не видно.

– Куда понесло её? – спрашиваемся уже мы у Бога, с любопытством на то смотря и вверх голову задирая.

– К таким же, – кратко Бог отвечает и почему-то на нас самих серчает, – давайте и сами исправляйтесь. А то обросли неизвестно чем и время от времени непонятно чему предаетесь. Оттого головы те болят и мысль разную не присоединяют. Ум не растет, а только в силе своей уменьшается. Сейчас душу другую позову. Пусть, уже она о том расскажет, а заодно и тайну кое-какую историческую приоткроет. Полезно знать будет, а то так в неведение и живете, в надежде, что кто-то придет и всё, как говорится, исправит.

– Что за душа? – спрашиваем.

– Увидите. Только подальше отойдите, а то покроет она своим телом, от которого тягостно всем станет и уж не до мыслей каких вообще будет.

– А, что. Душа также тело имеет? – интересуемся мы.

– Узнаете, – кратко Бог отвечает и начинает своими делами заниматься, чтобы душу искомую к нам приблизить и ее исповедь саму выслушать.

И вот действительно, совсем скоро что-то такое, на душу или что в этом роде вовсе не похожее, начало к нам приближаться и по мере движения того, как Бог и говорил, телом своим «мясисто-росистым» (от влажности его) покрывать.

Вначале было все то, как в тумане каком-то темном, а затем начало силой давить, словно действительно у души той мощи телесные имелись.

Но вот Бог развеял ту пагоду, можно сказать, дождевую (так как она по велению его руки почему-то именно в такое в скором времени превратилась), и наружно или для глазу нашего простого иная душа явилась, что заискрилась чистотой своей и общей яркой убранностью, что значит, просто чистотой засверкала на свету том большом, где мы вместе с Богом пребывали.

В общем, высвободилась она, как потом уже Бог объяснил и ближе к нам пододвинул, чтобы можно было голос ее услышать и выводы уже для себя из рассказа того сделать.

Так вот спустя время и услышали мы рассказ тот, и предлагаем всем с ним также ознакомиться, так как интересен он по-своему для многих и кое-что новое для всех представляет.

– Родилась я давно, – начала в свою очередь исповедь душа та, как впрочем, и все остальные, издавонка и слегка сожалея о чем-то. – Так давно, что даже уже и не помню, когда то произошло. Зато вспоминаю точно, что то был человек, по-своему богатый и совсем не имел совести, если так можно о нем самом выразиться.

Скуп был беспредельно и жаден до слов разных, словно было то настоящее золото, а не просто людская речь. Слова свои буквально вырывал откуда-то и прямо перекалывал на что-то уже близстоящее. Выдумщиком был великим и слава та за ним и по сей день сохранилась.

Звали его Гомер. Так оно по истории состоялось и во многом правдой отобразилось, если не считать за правду все то, что он же и выдумал. И надо сказать еще, что слеп был он на то время действительно, но до того, как и все, самым, что ни на есть, зрячим ходил.

Во многом преуспевал он и с жадностью своею как мог боролся во время, для него самого более раннее. Но из того ничего практически не вышло и стал он очевидно (что значит, явно) просто богачом, не имеющим ни стыда, ни совести.

Часто друзей своих обманывал и власть ту самую приобрел благодаря тому же. Оттого и слеп стал во времени, так как ослепили его за то, что он творил, но да видно, проку от того мало было и, вину свою не признав, он во все тяжкие пустился, создавая на Земле славу богов тех, что якобы при людях жизненно состояли.

Все те войны между племенами-народами попридумал. Друзей разных именами иными обозначил. Геройства разные выдумал и самих героев или его персонажей описал так, как хотелось только ему в знак особой нетерпимости по отношению ко всему просто людскому.

Создал мифы он сам, да так и запечатлелись они все во времени, предавая историю самую нелепой гласности, и на свет людской абсолютно новые ее черты определяя. Так возникла самая первая и пагубная для всех сейчас историческая подмена, что в конечном итоге привела к разрушению общих ценностей в деле том, сугубо историческом, и создала предпосылку для всеобщего безверия людского.

Ибо, породив своих богов и тем самым их высмеяв по-своему, он предал забвению самую бытность людскую, а вместе с ней и веру в настоящих богов и любовь к ним общую людскую.

В общем, предал по-своему род людской, тем самым обеспечив ему несносное будущее, которое в образах тех же богов и отобразил. Потому и обросла душа та тем «мясистым» наплывом и даже тело кое-какое во времени поимела, так как сильно лжива была и собирала от людей все то, уже пройдя сквозь года.

Так вот оно и образовалось и во многом представлено само по себе лживо, так как имеет вид такого же характера соединения.

А теперь, расскажу я, что дальше со мною стало опосля жизни той, во многом придуманной, и укажу на несоответствие исторических моментов каких, которые либо при мне, либо при другом уже руководителе состоялись.

Трудно сейчас представить время все то, да еще в отображении его самого, то есть точно согласно датам каким численно. Как мог я знать сам, что то за время было, ибо отчисление его по-настоящему не вели, а если и вели, то порою просто забывали, что приводило потом не только к потере дней каких-то, а целых или полных лет и даже поболее периодов. Таким время то было царствования императоров римских и не до счета его самого было, так как по большей части, утехам каким предаваясь, о нем вообще забывали и даже не вспоминали.

А дальше толком никто и сам не мог вспомнить, а потому писалось, мягко говоря, с головы, по большему больной от избытка напитков разных и просто жизни беспечной. То время было скудного ума людского и таким оно запечатлено в самой истории, если брать по-настоящему, а не согласно тому, что кто-то из тех великих философов описал.

Думаю, теперь догадаться несложно, что жили все те герои во многом в одном времени, а власть поочередно переходила от одного к другому и даже наблюдалась как бы параллельно, то есть велась в одночасье с римским где-то в другом месте.

Потому, состыковывать всю ту историю действительно очень сложно, особенно если учесть все те даты, что просто, как говорят, сами по себе ставились.

Во многом они цифры обозначали, которые только самим авторам и известны. Но, что это я об одном и том же. Думаю, понятен и так весь смысл существа того раннего и надалеке самой историей все то назвать нельзя, так как искривлено до ужаса настоящего безобразия, подобно моей душе той, что только-только Бог просветлил.

Вместе с властью какой-то передавалось и наследие оное, и всяк последующий душу ту предыдущую вождя воспринимал и в себя же изнутри вкладывал. Так оно было со мною, так стало и с теми, кто уже после меня самого правил.

А правила, как известно, многие и занимаются тем же до сей поры. Изменились времена, поменялись некоторые условия жизненные, но сама жизнь мало переменилась. И абсолютно то же касается человеческой души. В ней мало толку. Того, что действительно необходим и который нужен для более безобидного будущего.

Вот с тех самых обид и продолжу дальнейший свой рассказ, а это небольшое отступление отнесу к фазе образования нового ума. Того, что сам Бог сотворил на базе той самой извращенной во времени души. Так бывает и об том будет еще сказано. Только уже не мною, а им самим, коли душа его точно того же возжелает.

Так вот. Освободившись от тела того Гомера, я вновь в жизнь иную обратился и стал более приземист в своей жизненной осанке, немного ко всему еще и жирку подбросив. Таким меня сделала еще и природа, по которой я, естественно, скучал, так как привык в то раннее время становления души ею по-настоящему пользоваться, что значит, питаться всеми ее сладостями, включая то самое последнее, о чем говорил.

Так вот я приобрел свое новое лицо и уже совсем не был похож на предыдущее мое выражение, что значительно облегчало мою внутреннюю участь и давало возможность высказаться во времени как-то по-новому. Чем, собственно, я и воспользовался, устремив опять свой взгляд на небеса, которые на то время почему-то то сходились, то расходились, забирая повсеместно грозами, молниями, градами и чем-то таким, от которого становилось совсем зябко, а по телу текли ручьи, словно от какого-то дождя.

Так плакала сама природа, и я в том усмотрел свое, так и запечатлев по памяти все те мои ощущения. Вновь труд свой я создал и на этот раз поимел он большой успех среди населения разного и во многом уже на себе понес я все те благодарности, что сотворили сами люди. То был труд невозврата людского опосля жизни земной и многое было почерпнуто из нее самой, так как я сам видел, что то невозможно. Лишь некоторые отнесли ко мне с недоверием, а все остальные хором поверили. За что, честь им и хвала от меня самого, так как своим признанием они вновь пробудили во мне аппетит к той самой словесной науке, что людским говором называется.

Так вот я стал писать далее и спустя время некоторое насочинял столько, сколько не смог бы по-настоящему прочитать ни один тот человек, так как ему просто было бы некогда все мои премудрости постигать.

Стал я словесным философом. Так оно в истории отложилось, и так оно было на самом деле. Назвали меня за то Софоклом, что примерно то же собою и представляло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.